

Глава 31. Переменная

Быть может, всему виной безмолвие океанских глубин, но мне приснился сон.

В нём не было ни изумрудных лиан, ни укутанных туманом пиков, ни багряного солнца, чей свет пронзает облака. Не было и грохочущих водопадов с кристально чистой пеной. Лишь вдали, в зыбком мареве нежно-сиреневого дыма, угадывались очертания места — туманного, неясного, но до боли знакомого.

Сад Цин-ди.

Застыв перед воротами, я долго пребывал в оцепенении, пока, наконец, не усмехнулся и не заставил себя войти. Цветочные плети обвивали стеклянные фонари, чей огонь едва теплился, готовый вот-вот угаснуть. Мирская суэта осталась позади, уступив место щемящей тоске.

Странное существо — человек: иногда он совершенно ясно осознаёт, что спит. Я не знал, почему разум привёл меня именно сюда, и не понимал, отчего этот морок кажется столь осязаемым, что ноги сами несут меня вглубь сада.

Вдруг тишину Сада Цин-ди прорезал тихий вздох.

Сквозь пелену я различил впереди силуэт, эфемерный, точно клочок дыма. Лица было не разглядеть, но я и так знал, кому принадлежит эта высокая, призрачная тень.

Сидя у края пруда, Цин-ди коснулся ладонью зеркальной глади, и от его пальцев разбежались едва заметные круги. Зачерпнув пригоршню воды, он смотрел, как капли одна за другой соскальзывают сквозь пальцы. В пустоте Сада гулко отдавался одинокий звук падающей воды.

Клубы ароматного дыма застилали взор, но ветер донёс до меня его прерывистый голос:

— Я знаю... С того дня мы стали точно облака, гонимые ветром. Узы разорваны, и бывшее не вернуть — ни то, что было правдой, ни то, что лишь казалось ею.

Он говорил медленно, тягуче, и в его голосе слышался шелест остывающего пепла.

— В этом мире никто не мог понять тебя, никто не мог прочесть твою душу. Ты слишком эгоистичен и никогда ни перед кем не открывался. Должно быть... ты любил только себя.

Я сделал несколько шагов, но стоило мне приблизиться к нему на расстояние трёх чи, как ноги словно приросли к земле. Я замер за его спиной, глядя, как он держит в руках белоснежный лотос, окропляя его остатками воды.

— Ты просил меня не предаваться печали. Сказал, что когда забудешь меня — и я должен забыть тебя... Теперь ты исполнил своё обещание, я же — всё никак не могу.

Мне почудился звук, в котором явь смешалась с грёзой, и когда грань окончательно стёрлась, я вдруг заметил на лепестке лотоса сверкающую слезу.

Сердце кольнуло предчувствие потери. Я невольно протянул руку, но в то же мгновение по воде прошла рябь, и шептавший человек развеялся дымом, не оставив даже тени. Вода продолжала течь, но тот, кого я искал, исчез навсегда.

Я проснулся. Губы пытались беззвучно вытолкнуть чьё-то имя, но голос не слушался. Последнее тепло на ресницах мгновенно поглотил холод.

Вокруг простиралась бескрайняя, бездонная Бездна, а я был надёжно укрыт в кольце серебряной чешуи. Ао Цан спал, обхватив меня лапами. Его драконьи усы время от времени подрагивали, колышимые приливом. В этом покое было нечто трогательное и беззащитное.

Должно быть, он чувствовал моё желание уйти, и потому в последние дни не отходил ни на шаг. То ластился ко мне, то капризничал, то осыпал шутивными тумачами, но в конце концов неизменно утыкался головой мне в грудь, крепко зажмурившись.

Упрямый, несносный дракон.

Я легонько коснулся его живота. Дракон шевельнул когтями и свернулся ещё теснее, едва заметно приоткрыв пасть. Той ночью он отдал мне Божественную жемчужину застывшей луны. Я ждал чего-то необычайного, но артефакт оказался всего лишь каплей прозрачной воды.

Когда его холодная ладонь коснулась моей, он бережно переложил жемчужину мне в руку. Его кроваво-красные глаза в свете луны сияли лихорадочным блеском.

— Теперь она в твоей ладони, — прошептал он. — Смотри не потеряй.

Прозрачная капля медленно впиталась в кожу, словно пустила корни. Я разжал кулак, глядя на отметину в форме капли, и снова сжал его.

— Хорошо. Обещаю.

— Правда... не теряй её, — маленькое тело у меня на груди замерло, а пальцы, сжимавшие мой ворот, впились в ткань ещё сильнее.

— Да-да, не потеряю. Обещаю тебе.

На моих губах заиграла слабая улыбка. Дракон отвернулся и пробормотал, словно опадающая листва:

—... Обещаешь, значит...

Я выбрался на берег. Снова тихая ночь, и морской бриз играет набегающими волнами. Как бы мне ни хотелось подольше побыть с Ао Цаном, Мо Чэ там, вдали, находился на волосок от смерти, и я не мог медлить. К тому же я не был тем, кого он по-настоящему ждал. Остаться — значило лгать, а раз я не мог заставить своё сердце полюбить его, лучше было уйти тайком.

Просто уйти.

Едва переставляя онемевшие ноги, я упал на колени. Перед взором мелькнула тень — кто-то преградил мне путь. Подняв голову, я вымученно улыбнулся:

— Всё-таки ты здесь. Я уж думал, ты ушёл.

— Я ждал тебя, — Фэнхуа присел рядом и привлёк меня к себе. Подбородок его коснулся моей макушки. Я был насквозь мокрым.

— Жемчужина у меня, — я позволил ему помочь мне подняться. Долгий путь из глубин Бездны лишил меня последних сил.

— Хорошо, — коротко отозвался он, погружённый в свои мысли.

Отметина на ладони отозвалась острой болью. Я оглянулся на бескрайнее море под звёздным небом, и перед глазами вспыхнуло лицо Серебряного дракона — тоскливое и злое. Стало невыносимо горько.

— Пойдём, — я заставил себя отвернуться.

Фэнхуа замер, губы его дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но слова так и не сорвались с языка. Он потянулся было, чтобы подхватить меня на руки, но я воспротивился. После недолгой борьбы он лишь вздохнул и, крепко, но осторожно обхватив меня за талию, взмыл в воздух.

Осень вступала в свои права. Ледяной ветер свистел в ушах, пока мы неслись сквозь густо-фиолетовый сумрак лесов. На рассвете первая полоса света окрасила горизонт. Было холодно, невыносимо холодно, но сердце моё пылало.

Возвращение домой всегда дарит надежду. Знакомые тропы, изгибы гор, огни городка — и он, тот, кого я увижу через мгновение.

Я с замиранием сердца переступил порог дома, но внутри было пусто. Комнату затянуло паутиной. Аптечные шкафы, прилавок и даже забытая на столе чашка покрылись слоем пыли. От прежней жизни не осталось и следа — лишь тишина и моё прерывистое дыхание. Сердце сжалось от дурного предчувствия, и я бросился прочь.

Пейзаж смазался перед глазами. Отметина на ладони горела всё сильнее. Задыхаясь, я добежал до нужной двери и замер. Пальцы дрожали. Собрав волю в кулак, я толкнул дверь. Первый луч солнца скользнул внутрь впереди меня, освещая прекрасный лик.

В сиянии утренней зари я осторожно приблизился. Он лежал неподвижно, безмятежный и светлый. Внезапно я почувствовал себя незваным гостем и застыл на месте.

— Что теперь делать? — шёпотом спросил я Фэнхуа.

Фэнхуа, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, лишь покачал головой. Взгляд его был странным.

— Я снял запечатывание. Дальше дело за Божественной жемчужиной... Раз она на твоей ладони, значит, только твоё прикосновение пробудит её силу.

Моё прикосновение...

Отметина жгла, точно раскалённое клеймо.

Я подошёл к нему. В голове кричал голос, умоляя остановиться и бежать прочь, но я не слушал. Мои пальцы сомкнулись на его ледяной руке. В тот же миг поток нестерпимого жара хлынул из моего тела в его ладонь. Силы уходили так стремительно, словно душа рвалась наружу вслед за этим теплом.

Это не было иллюзией.

Когда жар иссяк, на моих ладонях остался лишь мертвенный холод. Но я не разомкнул пальцев.

Беспольный, нескладный уродец — я привык к насмешкам. Я был капризным, упрямым, не слишком умным... Но никто никогда не был ко мне так добр, как он. Пусть он молчал, пусть лишь смущённо улыбался — его тепло было для меня единственным спасением.

Я просто хотел удержать это крошечное счастье. И я не собирался отпускать его руку.

Вдруг его пальцы дрогнули. Ресницы затрепетали, на бледных щеках проступил румянец. Он открыл глаза. Ослабев, я осел на край кровати и глупо улыбнулся, глядя на него. Я хотел коснуться его лица, но он сам перехватил мои руки.

— Кто ты? — спросил он.

Голос был чистым, мелодичным. Исчезла прежняя хрипотца.

Эти слова прозвучали как жестокая шутка. Шутка, от которой у меня внутри всё оборвалось.

Он смотрел на меня в упор. Его дыхание было прежним, но взгляд — чужим.

У меня задрожали губы.

— Чэ...

Я вздрогнул. Горло словно забило песком. Я и не знал, что мой голос может быть настолько хриплым и надтреснутым.

Его глаза, не выражавшие никакой радости узнавания, скользнули по мне и переместились на Фэнхуа. На губах расцвела улыбка неопишуемой красоты.

— Сюань-эр, это ты?

Порывистый ветер — и Фэнхуа уже подле него, заключает его в объятия. Аромат цветов осел на моих пустых руках, лишившихся тепла.

— Шуйхуа... — услышал я голос Фэнхуа.

Шуйхуа. Я уже слышал это имя.

Всё произошло слишком быстро. То, как они обнимались, не скрывая чувств, заставило меня почувствовать себя... лишним.

Стиснув зубы, я из последних сил рванулся вперёд и вцепился в плечо этого человека.

— Дремучий котелок! — прохрипел я. — Тебе что, яд остатки мозгов выжег? Глаза открой!

Мой голос звучал отвратительно — сипло, надрывно, жалко.

Фэнхуа одним резким движением отбросил меня прочь. Я врезался в стену, спину прошила острая боль. Во рту появился привкус крови.

Я попытался подняться и услышал холодный, далёкий голос. Тот, кого я считал Мо Чэ, прижимал к себе Фэнхуа и, указывая на меня, тихо спросил:

— Сюань-эр, кто это?

— Он? — Фэнхуа одарил меня мимолётным взглядом. Улыбка не сошла с его лица, но глаза были полны ледяного презрения. — Так, пустое место. Никто. Не обращай внимания.

В груди закипала ярость. Сжав кулаки, я снова встал и шаг за шагом начал приближаться к ним.

— Чэ! Приди в себя! Ты что, меня не узнаёшь?!

Тишина.

— Прости, но ты, верно, обознался, — он поднял голову, и в лучах солнца я наконец увидел его лицо. Оно было точной копией моего.

А в его зрачках я увидел своё отражение. На меня смотрел человек с уродливыми багровыми пятнами на коже. Страшилище.

Это... я?!

Не успев осознать увиденное, я снова получил удар, от которого хрустнули рёбра. Тело окончательно отказало. Я лежал на полу, глядя на ослепительное солнце, но меня бил озноб, точно в середине зимы.

Должно быть, я потерял сознание.

Когда я очнулся, вокруг была пустошь. Передо мной стоял Фэнхуа. Я впился пальцами в сырую землю, пытаюсь подняться, но сил не было.

— Что... что ты сделал с моим Чэ?.. — прокаркал я. Мой голос был похож на вороний грай.

— Ошибаешься, — с мягкой улыбкой ответил он.

— В чём?!

Он склонился ко мне, схватил за подбородок и вкрадчиво прошептал:

— Во всём. Пойми же: Шуйхуа никогда не был твоим. Он мой с самого начала... Я оберегал его перерождения тысячи лет, ожидая момента, когда смогу вернуть его утраченную Бессмертную кость и возродить его.

— Бессмертную кость?.. — Фэнхуа с силой оттолкнул моё лицо, и я ударился о землю.

— Теперь, когда всё кончено, скрывать нечего, — он улыбнулся. — Эта кость всё это время была в тебе. Если бы не она, с чего бы такому тупому и бестолковому созданию, как ты, удалось достичь бессмертия всего за тысячу лет?

Он рывком вздёрнул меня за волосы, заставляя смотреть ему в глаза.

— Он делил со мной душу тысячелетия. Неужели ты всерьёз думал, что он полюбит тебя? Взгляни на себя, уродец. Вот твоё истинное лицо! Ты смел носить облик Шуйхуа, будучи таким мерзким... Знаешь, все эти века я ненавидел тебя. Даже произносить твоё имя было противно.

— Ты всего лишь его тень. Подменыш. Вор, возомнивший себя кем-то важным... На самом деле ты — ничто.

— Нет! — я заскрежетал зубами.

— Чего «нет»? Не хочешь умирать? — он рассмеялся.

Я улучил момент и вцепился зубами в его лодыжку. Фэнхуа выругался и с силой ударил меня ногой. Видя, что я не разжимаю челюстей, он вонзил когти мне в спину, раздирая плоть до костей. Боль была невыносимой, но я не отпустил, упиваясь вкусом его крови.

Не знаю, почему мне стало так легко. Внутри бушевало пламя. Я смеялся. Я не плакал.

Если судьба — лишь пустая игра, то проигравшему не стоит кручиниться, а победителю не стоит забывать, что всё это — лишь исчезающая иллюзия.

Я думал, что я — главный герой своей жизни, но оказался лишь лишней деталью в чужой.

И всё же я не плакал. Моё горло раздирали кашель, тело ломало от боли, но я был жив.

Я не плакал, потому что запретил себе верить тем, кто пытается стереть меня в порошок. Не позволяй никому говорить тебе, что ты — ничто.

Хотя я понимал: моё сопротивление перед мощью Фэнхуа — не более чем жалкая потуга.

Он вырвал когти из моей груди. Пальцы его были в крови. Он изящно развернулся и пошёл прочь, бросив через плечо:

—... Кстати, в этот раз ты нам очень помог. Иначе пришлось бы возиться с тем полуслепым Серебряным драконом... Кто же знал, что он решит вырвать себе и второй глаз ради тебя...

Ветер завыл сильнее, заглушая его слова. Впрочем, слушать дальше не было сил.

Кровь на моих пальцах была сладкой. В уголках глаз скопилась горечь — эхо поражения и беды. Я никогда не покажу свою слабость другим. И лишь когда я остался совсем один, первая слеза скатилась по изуродованной щеке.

Оказалось, что дом — это не стены. Дом — это сердце, которое теперь лежало в руинах.

<http://bllate.org/book/17534/1706766>